

Литература

1. Власов, В.Г. Новый энциклопедический словарь: в 10 т. - М., 2004-2007. – Т 4. – С. 83.
2. Трацевкий, В.В. Классические архитектурные формы – Мн.: Выш. школа – 2008. – С 120.

RESUME

In the article composite construction of the iconostasis of Saint-Pokrov church in the village of Pokry, the Brest district, is analyzed. The existing iconostasis represents the architectural composition created in classical tradition with baroque elements.

УДК 725.182 (476)

Морозов В.Ф., Политехника Белостоцка, Польша

СТРОИТЕЛЬСТВО кн. А.САПЕГИ В РУЖАНАХ, ДЕРЕЧИНЕ И ВЫСОКОМ

Изучение истории архитектуры Беларуси в последние десятилетия далеко вышло за пределы исключительно описания морфологических характеристик памятников архитектуры. Рассмотрено развитие архитектурной стилистики, архитектура отдельных типов зданий, творчество некоторых крупных архитекторов. Однако изучение роли заказчиков строительства, меценатов продвигается явно недостаточно, и мы пока можем говорить лишь об исследованиях построек в белорусских имениях князя М.Радзивилла-Сиротки и графа Н.П.Румянцева [1]. Тем не менее, именно заказчик строительства, меценат, а не архитектор во многом определял художественную программу строительства в собственных имениях. Об этом очень метко выразился Хельмут Лоренц, когда заметил, что написание истории искусства, в том числе и архитектуры, на основе художественных талантов художников – это то же, что и написание истории театра на основе исключительно характеристики таланта артистов, которые участвуют в представлении [2].

В истории белорусского зодчества существовало множество заказчиков строительства, построивших на свои средства выдающиеся произведения зодчества. В эпоху Просвещения особенно выделялась деятельность князя А.Сапеги, развернувшего в своих поместьях Ружаны, Деречин и Высокое обширное строительство. Задачей данного исследования является характеристика этого строительства.

Александр Сапега принадлежал к старинному магнатскому роду. Расцвет рода Сапегов пришелся на XVI – XVII века, когда по своему политическому положению и размерам богатства они уступали лишь Радзивиллам. С начала XVIII века их начинают теснить более активные Потоцкие, Чарторыйские, Браницкие. Однако эпоха Просвещения как бы придала второе дыхание деятельности представителей этого старинного рода.

Собственные интересы Александра Сапеги в области культуры и искусства, значительные богатства, но, главное, удачная женитьба в 1756 году на княжне Магдалене-Агнешке Любомирской, благодаря связям которой он сблизился с окружением короля, вошел в клан Чарторыйских и в 1775 году занял должность канцлера Великого княжества Литовского, ввели его в круг самых богатых и прогрессивных людей польского Просвещения [3]. Александр и Магдалена Сапеги стали активными участниками происходивших в эпоху Просвещения больших событий в общественной жизни страны, окунувшись в атмосферу небывалого доселе подъема, мечтаний, очарования идеями Просвещения и стремления больше совершить для блага людей. Их варшавский дворец на улице Закрочимской был всегда полон людей. Здесь устраивались балы, спектакли, здесь собиралось избранное светское общество и обсуждались новости политической и экономической жизни страны. В Варшаве перед глазами Сапегов разворачивались работы по переустройству королевских резиденций в новом классическом стиле, и к этим деяниям Сапеги были очень близки. Ведь в молодости Магдалена-Агнешка Любомирская была одной из симпатий будущего короля Станислава Понятовского, тогда еще первого стольника литовского [4]. И в этой атмосфере Сапеги начали обширное строительство в своих белорусских вотчинах. По своему размаху, художественному уровню и глубине вкладываемых идей оно было под стать королевскому. Однако оно не стало повторением строительства Станислава Августа, с которым развивалось одновременно, так как во многом питалось иными идеями.

Для осуществления грандиозного строительства у Сапегов, бесспорно, были свои побудительные мотивы и особые образцы в европейской культуре и зодчестве. К таким ориентирам, безусловно, относилась деятельность польского короля в изгнании Станислава Лещинского, проводимая им в Лотарингии. В городе Нанси он воздвиг широко известный ансамбль площадей с собственным дворцом, театром, зданием канцелярии, первой в Европе публичной библиотекой – ансамбль для общественной жизни города [5]. Кроме того, свои взгляды на развитие общества, в которых преобладали общественные и культурные интересы, он отразил в книге «Разговор европейца с островитянином из королевства Думокала», где создал яркий образ совершенного, на взгляд автора, общества. И это издание, безусловно, могло решительным образом повлиять на поведение Сапегов, склонив их к общественно полезной деятельности на белорусской земле. Тем более, что А.Сапега был склонным к чтению человеком и увлекающейся личностью. Немалую роль здесь играли и характерные для многих жителей Речи Посполитой симпатии к Станиславу Лещинскому и, вероятно, амбиции А.Сапеги, стремящегося к высоким должностям и к подражанию Лещинскому – кандидату на польский престол. Все это вылилось в осуществленную Сапегами широкую строительную программу, реальную и вместе с тем идеальную, проникнутую знанием местных традиций и во многом схожую с замыслами С.Лещинского.

Немалую роль в этом сыграл осуществлявший строительство придворный архитектор Сапег Иоганн Георг Беккер, находившийся на службе у них с начала 1760-х до 1790-х годов [6]. Вероятно, он происходил из дрезденского круга зодчих, где получил образование. На службу к А.Сапеге зодчий поступил в начале 1760-х годов в возрасте около тридцати лет.

Беккер был талантлив, много проектировал и строил. В Кабинете гравюр библиотеки Варшавского университета сохранились проекты пятнадцати его построек [7]. Однако на самом деле их было много больше. В стилистическом отношении архитектор был приверженцем барочного классицизма, создавая постройки в барочно-рокайльном стиле и в духе «большого стиля» французской архитектуры XVII века. Лишь в конце своего творческого пути в нескольких проектах он обратился к стилистике строгого классицизма [8].

Наиболее значительные строительные работы развернулись в Ружанах – родовом поместье Сапегов, где был перестроен дворец и созданы постройки в местечке. В этом строительстве слились идеи Просвещения и стремление воскресить былую славу Сапег – возродить родовое поместье, основанное самым выдающимся представителем рода – канцлером Львом Сапегой.

Главным сооружением стал реконструированный дворец. Сапегами был создан обширный комплекс, организованный вокруг большого парадного двора и изолированный от построек местечка (рис. 1,2) [9]. В его композицию вошли переделанное старое здание дворца, два больших флигеля, включающие театр, манеж, библиотеку и картинную галерею, въездная арка с двумя пристройками к ней для караульни и канцелярии. Все это было объединено полукруглыми в плане колоннадами и монументальными оградами. Кроме того, к флигелям были пристроены два корпуса, где размещались кухня и конюшня.

Несмотря на, казалось бы, характерную для эпохи Просвещения сдержанность в трактовке архитектурного образа, постройка отличалась грандиозным, воистину королевским размахом. Здесь проявились присущие польскому образу жизни черты парадности и, бесспорно, заказчики строительства ориентировались на современные им королевские постройки.

Документов, свидетельствующих о времени создания проекта и начале реконструкции дворца, пока обнаружить не удалось. Однако имеющиеся данные позволяют отнести время начала строительства к концу 1760-х – началу 1770-х годов [10]. Таким образом, становится очевидным, что начало работ по реконструкции дворца не связано с назначением А.Сапеги на должность канцлера, которое произошло позднее, в 1775 году.

На строительство Сапегов большое влияние оказали предпринятые королем работы по переустройству в духе Просвещения Королевского замка в Варшаве, проектные предложения В.Луи и Я.Фонтаны, с которыми дворец в Ружанах роднит близкая стилистике барочного классицизма архитектура, ориентированная на воссоздание «большого стиля» времен Людовика XIV, использование восьмиколонных портиков со сдвоенными колоннами, аналогичным портикам восточного фасада Лувра.

Многое здесь и от комплекса в Нанси – от использования отдельных архитектурных мотивов до включения в комплекс дворца помещений общественного назначения. В ружанском дворце применен характерный для Нанси мотив триумфальной арки наподобие римской, соединенной с невысо-

кими павильонами с рустованной поверхностью стен, мотив полукруглых колоннад, устроены помещения для театра, библиотеки и картинной галереи, совсем как во фланкирующих широкий бульвар корпусах французского ансамбля (рис. 3).

Создатели дворца в Ружанах обратились и к другим лучшим образцам европейской архитектуры, возведенным монархами европейских стран. Рассматривая композицию дворца, мы находим в нем близкие черты с Новым королевским дворцом в Сан-Суси в Потсдаме, построенном в 1755-1769 годах И.Бюрингом и Г.Мантером (рис. 4). Здесь мы видим тот же мотив полукруглых колоннад, тот же грандиозный размах строительства и идентичную по характеру архитектуры и рисунку деталей триумфальную арку. Это, возможно, было результатом симпатии Беккера к близкому ему немецкому зодчеству.

Продолжая поиск аналогов архитектуре ружанского дворца, начинаешь осознавать, что его создатели были хорошо знакомы с профессиональной литературой. В постройке использована характерная для Палладио тема полуциркульных колоннад. В создании интерьеров дворцовых залов И.Беккером устроены колоннады вдоль стен как бы по совету Ж.Блонделя, рекомендовавшего иметь в каждой резиденции «зал в итальянской манере» [11]. В архитектуре дворца мы видим связи с западноевропейскими постройками, так как композиция ансамбля во многом напоминает парижские отели, и влияние местного зодчества, ибо здесь, как и во дворце Радзивиллов в Несвиже, постройки группируются вокруг парадного двора с въездной брамой, устроенной наподобие римской триумфальной арки.

Но, тем не менее, дворец в Ружанах – это оригинальное произведение, в котором органично соединены западноевропейские влияния и местные традиции. Здесь четко проведена иерархия объемного построения, архитектура дворца удачно связана с рельефом местности, в традиционное композиционное построение здесь внесено новое «просвещенное» содержание.

Строительные программы многих деятелей Просвещения страдали определенным утопизмом. Так случилось и с создателями ружанского дворца. Слишком обширные были у них планы, и во многом поэтому дворец так и не был завершен. После смерти жены в 1780 году Александр Сапега продал дворец, и он стал медленно разрушаться.

Кроме дворца в Ружанах, была обновлена застройка площади (рис. 5). Здесь не было и тени необычных построений, присущих эпохе Просвещения и комплексу в Нанси. Композиция центральной площади местечка не связана с композицией дворца и организована традиционно как окаймляющая по периметру прямоугольной формы пространство застройка. И архитектурная стилистика здесь была иная. Не было здесь элементов, напоминавших о «большом стиле» французской архитектуры. Застройка площади выполнена в барочно-рокайльном стиле с элементами классицизма. Сапегами была построена униатская церковь с плоским однобашенным фасадом, во многом напоминающая церковь в Нанси, что лишний раз подтверждает гипотезу о связи построек в Ружанах с архитектурой этого французского города (рис. 6) [12]. Рядом с церковью было построено монастырское здание. Был создан не реализованный полностью проект перестройки приходского костела (рис. 7) [13]. Рядом с костелом была выстроена корчма с центральной двухэтажной частью и одноэтажными крыльями, напоминающая традиционные постройки барокко на белорусской земле (рис. 8) [14]. Кроме того, по соседству с Ружанами было начато возведение зверинца со звездчатым планом и расположенным в центре охотничьим замком, близким постройкам итальянского Возрождения. Однако от этого начинания сохранилось лишь несколько чертежей (рис. 9) [15].

Как уже отмечалось, строительная деятельность Сапегов далеко выходила за пределы их родового поместья Ружаны и охватывала иные владения – Высокое, Деречин, Друю и Зельву. Постройки были достаточно разнообразны по тематике. Особого внимания заслуживают наиболее значительные сооружения – здание Академии в Деречине и госпиталя в Высоком (рис. 10,11) [16]. Их закладка относится к началу строительной деятельности Сапегов – соответственно к 1768 и 1766 годам [17]. И эти постройки заставляют нас вспомнить фрагменты из книги С.Лещинского «Разговор европейца с островитянином из королевства Думокала», где описывается путешествие европейца по городу: «Великолепие было характерно только для общественных зданий. Один из этих домов был предназначен для школы или Академии, для местной молодежи различных сословий» [18]. Далее описывается госпиталь, предназначенный для горожан. В здании академии в Деречине для придания его облику «великолепия» был использован отмечающий вход величественный восьмиколонный портик со сдвоенными колоннами наподобие портика восточного фасада Лувра. Фасад

госпиталя в Высоком так же украшали портики, а главный его акцент составлял большой «античный» портик. Эти здания соседствовали с многочисленными мелкими постройками в стиле рококо – павильонами в деречинском парке и зданиями театра.

Постройки в поместьях А.Сапеги, выполненные в стилистике барочного классицизма, относятся к первым проявлениям классицистической стилистики в архитектуре Великого княжества Литовского. В художественном отношении они опережали осуществляемое в это же время строительство Гродненских королевских мануфактур и представляли собой практически неизвестную до сего времени широкую строительную деятельность магнатов Великого княжества Литовского, которые стремились путем реформ улучшить социально-экономическую ситуацию в стране.

Рисунок 1 – Дворец в Ружанах (1598 г. – конец XVIII в.). Общий вид

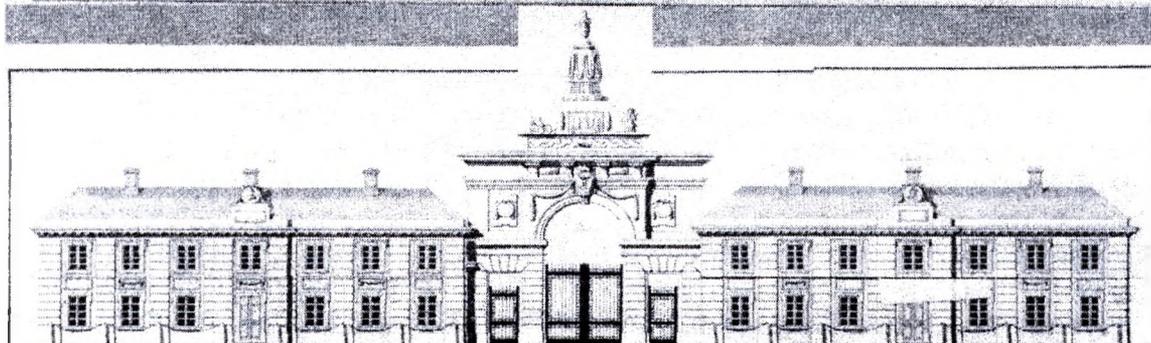
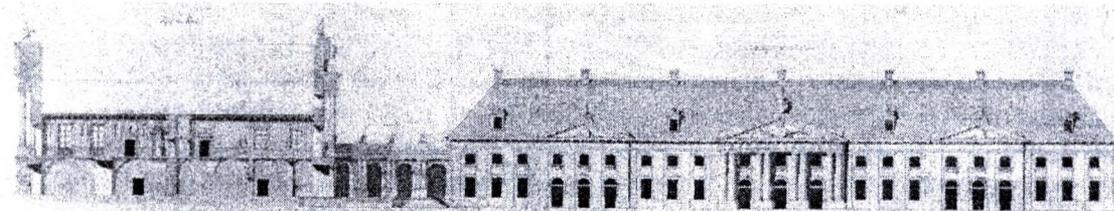

Рисунок 2 а, б, в – Проект перестройки дворца в Ружанах (нач. 1760-х гг., арх. И.Г.Беккер). Главный фасад. Разрез главного корпуса и фасад театрального флигеля. Фасад въездных ворот, корпусов канцелярии и кордегардии

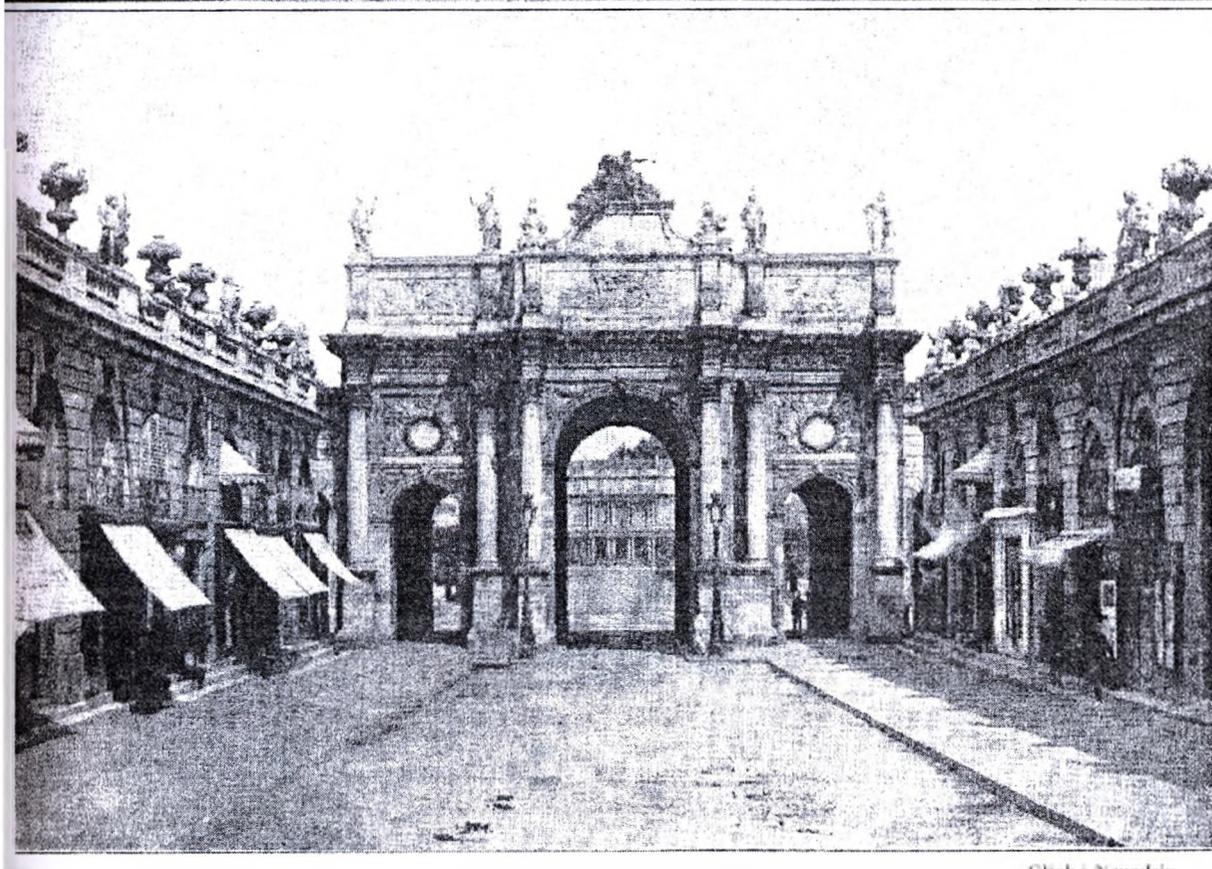
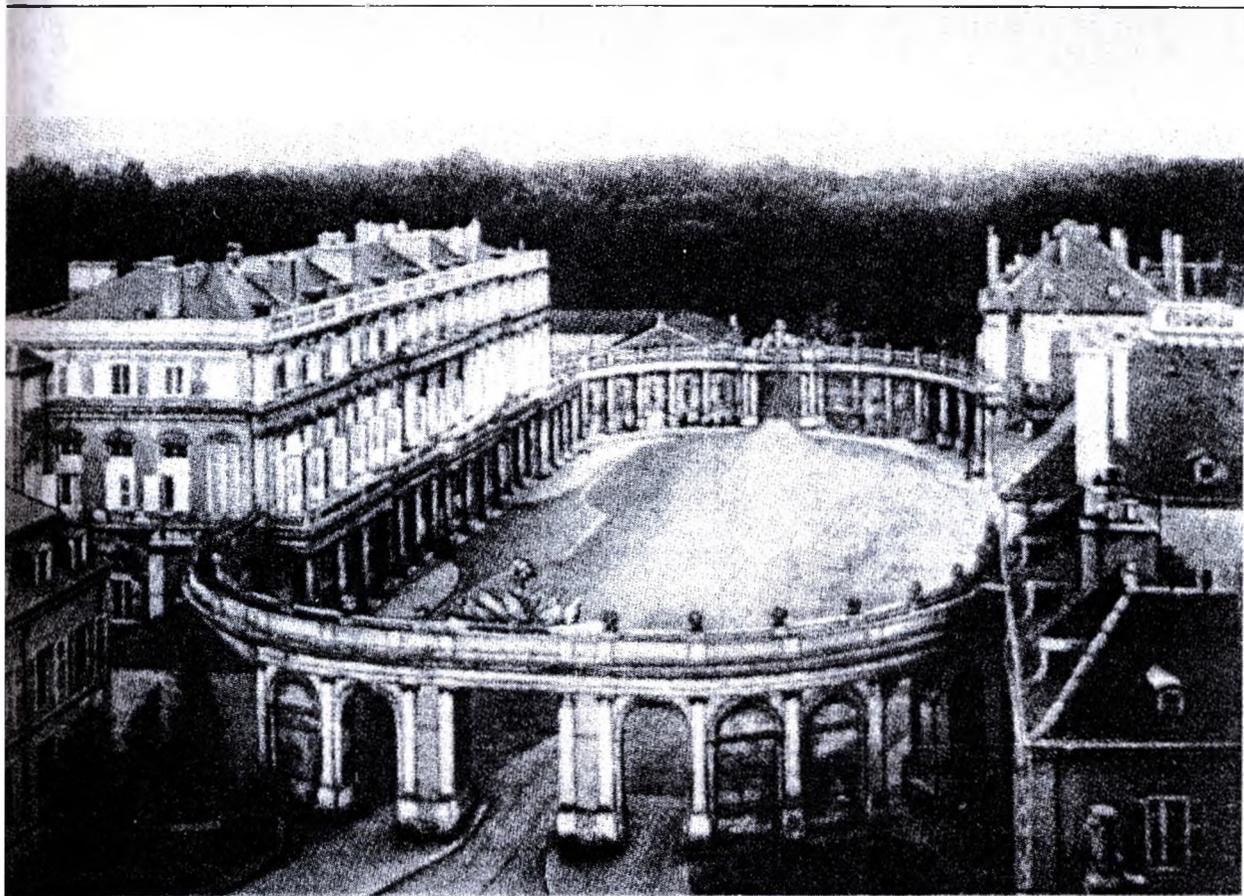

Рисунок 3 – Ансамбль центральных площадей в Нанси
(1752 – 1755 гг., арх. Эре де Корни). А. – Общий вид площади перед дворцом
Правительства. Б. – Триумфальная арка при Королевской площади

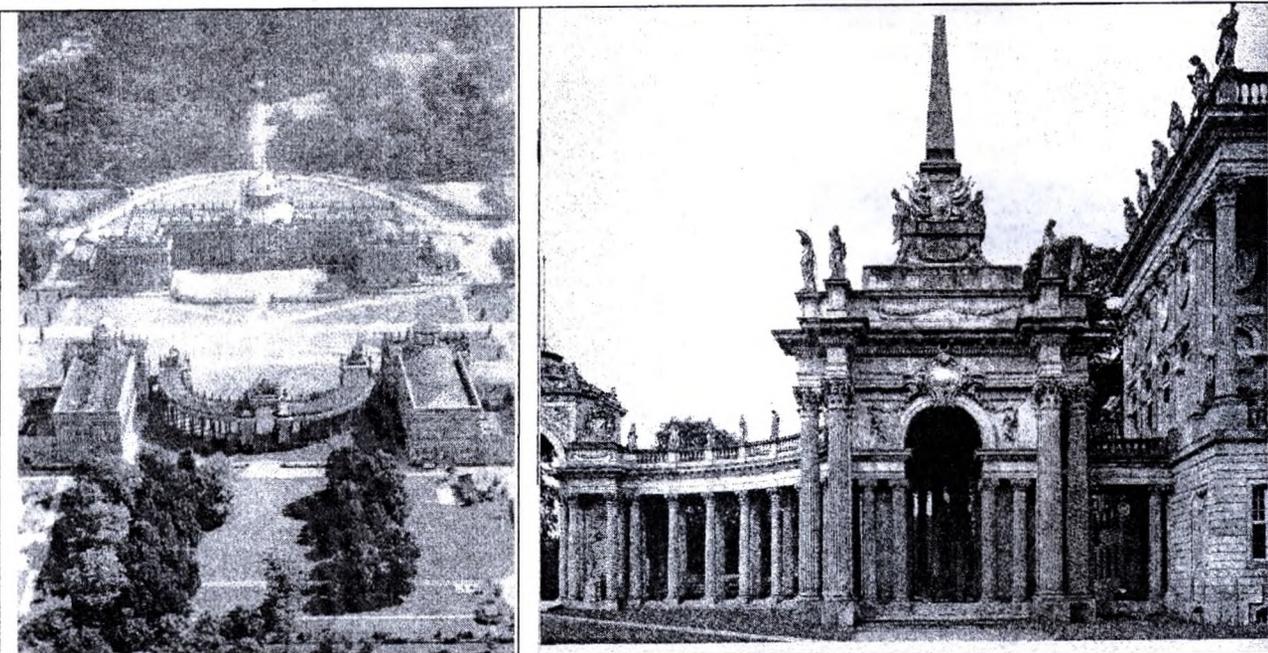

Рисунок 4 – Новый дворец и Комплекс в Потсдаме
(1755 – 1768 гг., арх. И.Г.Бюринг и др.) Общий вид. Триумфальная арка.

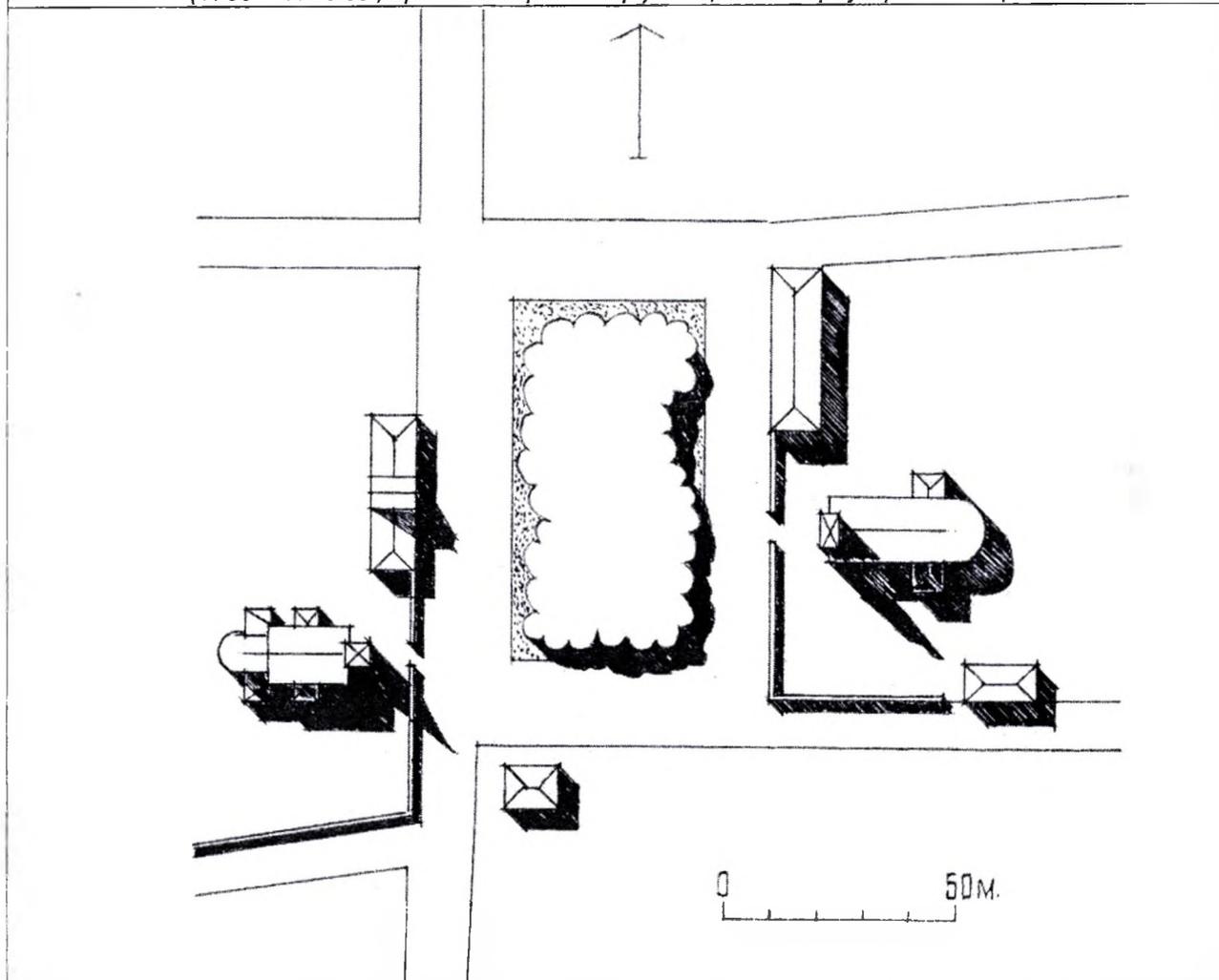

Рисунок 5 – Площадь в Ружанах. План

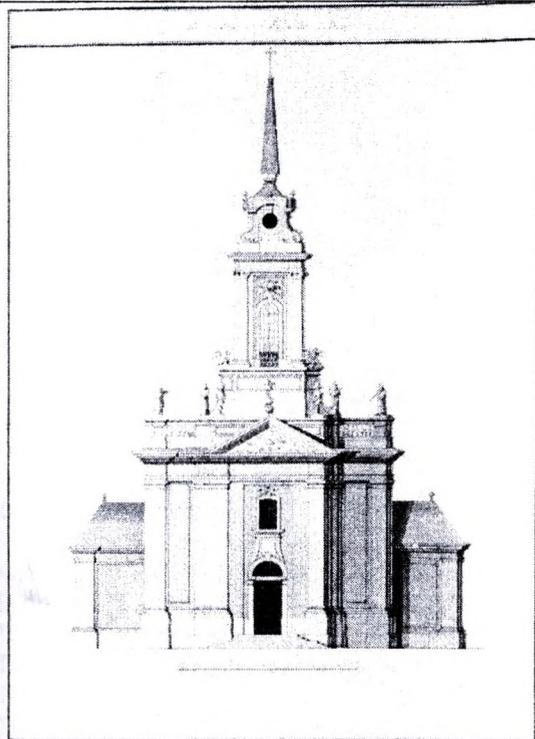

Рисунок 6 – Проект униатской церкви в Ружанах (1760-е гг., арх. И.Г.Беккер).
Главный фасад

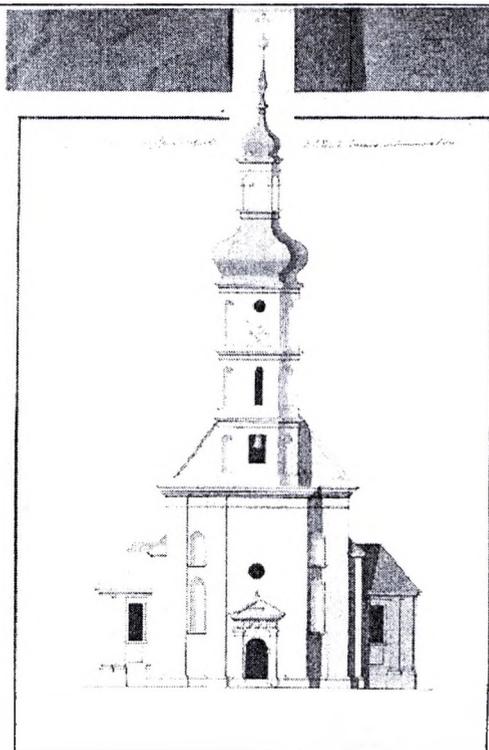

Рисунок 7 – Проект перестройки костела св. Троицы в Ружанах (1760-е гг., арх. И.Г.Беккер).
Главный фасад.

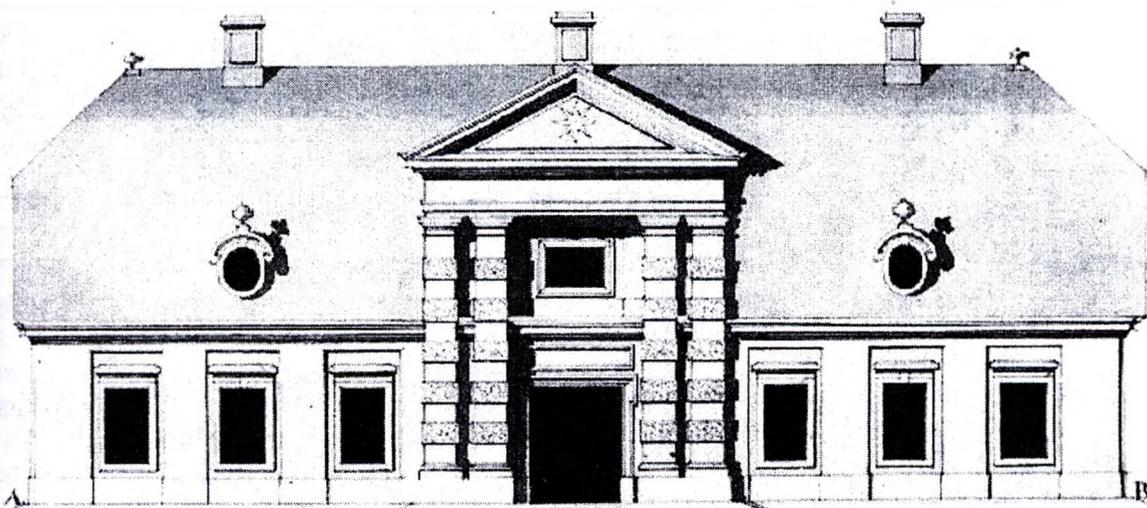

Рисунок 8 – Проект корчмы в Ружанах (1760-е гг., арх. И.Г.Беккер). Главный фасад

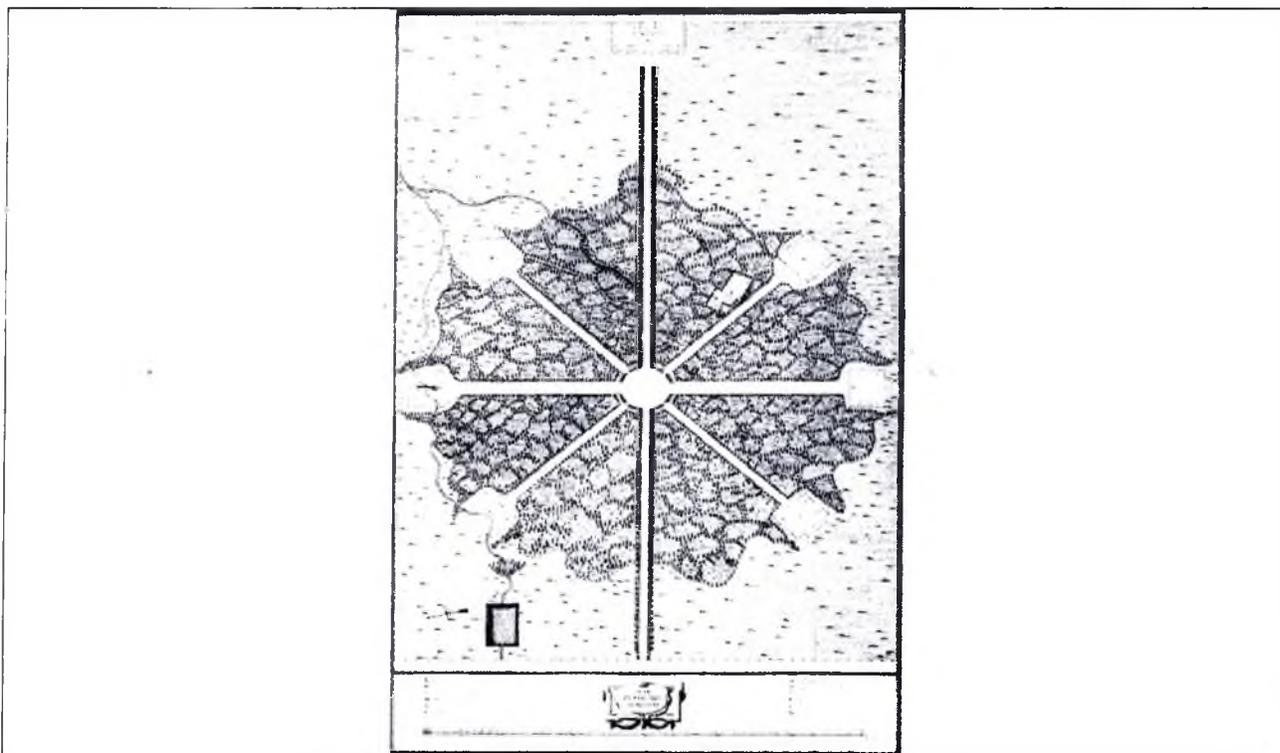

Рисунок 9 – Проект зверинца в Ружанах. План

Рисунок 10 – Академия в Деречине (1766 г., арх. И.Г.Беккер). Портик

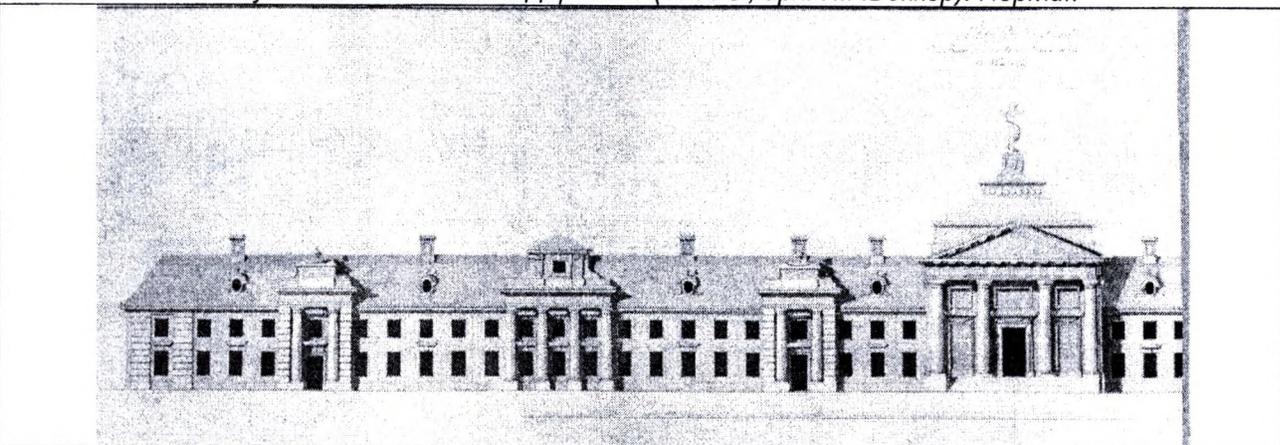

Рисунок 11 – Проект госпиталя в Высоком (1760-е гг., арх. И.Г.Беккер).
Фрагмент главного фасада

Литература

1. Bernatowicz, T. Miles christianus et peregrinus. Fundacje Mikołaja Radziwiłła „Sierotki” w ordynacji Nieświeskiej / T. Bernatowicz. – Warszawa: Neriton, 1998. – 234 s.
2. Морозов, В.Ф. Гомель классический. Эпоха. Меценаты. Архитектура / В.Ф. Морозов. – Минск: Четыре четверти, 1997. – 336 с.
3. Baranowski, A.J. Między Pzymem a Wilnem / A.J. Baranowski. – Warszawa: ISPAN, 2006. – S. 14.
4. Malinowska, J. Pałac Sapiehów / J. Malinowska, – Warszawa: PWN, 1972. – S. 68 – 72.
5. Там же, с. 71.
6. Ostrowski, W. Wprowadzenie do historii budowy miast: Ludzie i środowisko / W. Ostrowski. - Warszawa: Oficyna wydawnicza Politechniki Warszawskiej, 1996. – S. 105.
7. Калнін, В. Архітэктура Яна Самуэля Бэкера / В.Калнін // Спадчына. – 1998. № 3. – С. 65 – 85.
8. Калнін, В. Архітэктура Яна Самуэля Бэкера / В.Калнін // Спадчына. – 1998. № 4. – С. 75 – 88.
9. Библиотека Варшавского университета. Кабинет гравюр. Д. 769, 770, 771 - 774, 782, 783, 786, 788, 796, 800, 819.
10. Калнін, В. Архітэктура Яна Самуэля Бэкера / В.Калнін // Спадчына. – 1998. № 3. – С. 68, 69.
11. Библиотека Варшавского университета. Кабинет гравюр. Д.
12. Калнін, В. Архітэктура Яна Самуэля Бэкера / В.Калнін // Спадчына. – 1998. № 4. – С. 79.
13. Klasycyzm i klasycyzmy: Materiały Sesji Stowarzyszenia Historyków Sztuki, Warszawa, listopad 1991 r. / Stowarzyszenie Historyków Sztuki. - Warszawa, 1994. – S. 102.
14. Библиотека Варшавского университета. Кабинет гравюр. Д.
15. Там же. Д. 771, 772.
16. Там же. Д. 796.
17. Там же. Д. 788.
18. Там же. Д. 800.
19. Sapiehowe. Materiały historyczno-genealogiczne i majątkowe: W 3 t. – Petersburg: Druk. Suszczyńskiego, 1891 - 1894. – Т. 3. – 1894. - S. 378.
20. Ostrowski, W. Wprowadzenie do historii budowy miast: Ludzie i środowisko / W. Ostrowski – Warszawa: Oficyna wydawnicza Politechniki Warszawskiej, 1996. – S. 103.

RESUME

In 1760-80th there was developed a spacious construction of public and palace buildings in prince A. Sapiega's estates Ruzany, Derechin and Vysokoe. These buildings were created in baroque classic style and because of that forestalled the same king's construction in Grodno and surroundings.

УДК 711.4(476)

Кишик Ю.Н., БНТУ, Минск

ДЛИННЫЙ РЫНОК – ПАМЯТНИК РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА БЕЛАРУСИ

В ходе изучения градостроительного наследия Гродно нами была поставлена задача определить истоки неистребимого своеобразия его пространственно-планировочной композиции. Уже несколько поколений исследователей пытались рассмотреть облик древнего Гродно. Однако очень беден комплекс документов, которые могут дать представление о градостроительной структуре, скрытой в глубине веков. Практика же проведения археологических работ убеждает, что они, как правило, концентрируются вокруг замчища, на ограниченных площадях. Да и сама находка еще не гарантирует верных выводов о городской структуре. Известный археолог В.В. Седов (Москва) вполне определенно заявил, что многочисленные раскопки, например, в Киеве или Новгороде, так и не прояснили конкретную картину происхождения и поступательного развития города [1, с. 52].

Нужно было искать новые, методически целесообразные и эффективные пути исследования, способные воссоздать план раннесредневекового Гродно. В этой ситуации важным историческим первоисточником стал сам архивный план исторического города. Рисунок его уличной сети своей живописностью и нерегулярностью вызывает массу вопросов, но они сразу же получают объяснение, если предположить, что Гродно принадлежит к числу городов, где изменения планировочной структуры произошли в результате кратковременной акции. В истории европейского градостроительства такое явление известно. Начиная с XIII века, города на землях западных славян пере-